

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ВЕКТОРЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Хотя фольклористы практически очень много делали для подготовки и развития новых направлений в своей науке, они с поразительным равнодушием (вот парадокс!) относились и относятся к их оформлению и легализации. Сам объект исследования толкал ученых к интеграции с другими дисциплинами. Общеизвестно, что фольклор принадлежит к явлениям культуры, истоки которого теряются в доисторическом прошлом, когда этносов как таковых не существовало, но потом-то он приобрел этническое лицо. Уже одно это предполагает развитие соответствующих интегративных научных векторов. Если вся архаическая культура являлась монофольклорной, то далее фольклор становится частью современной ему культуры. Сохраняя типологическое сходство с фольклором генетически родственных народов, каждый национальный фольклор обладает и ярко выраженной этнической доминантой. Он являет себя в оболочке диалектов того или иного языка, состоит из ряда локально-региональных парадигм, присутствует в сфере этнического сознания, бытует благодаря национально окрашенному фольклорному мышлению, опирается на отлаженные механизмы жанровой эстетики, включается в реальность бытового, социального и исторического контекста. Изменчивость фольклорных произведений – как раз знак действий этнопсихологического порядка, о которых фольклористы имеют весьма приблизительное представление. Несмотря на традиционное апеллирование к национальному характеру и национальной психологии для объяснения причин национальной специфики фольклора, практически ничего не делалось для разработки интегративного направления, объединяющего интересы фольклористов, этнологов, этнопсихологов. В чем причина – трудно сказать. Можно отметить две. Первая – отсутствие соответствующей специализации в вузовском и последипломном образовании. Вторая – историческая, связанная со стремлением фольклористики к независимости, обособлению от мифологии, этнографии, литературоведения. Весь XIX век и половина двадцатого прошли под знаком достаточно трудного формирования фольклористики как науки, когда она теоретически и практически обосновывала право на самостоятельность, очерчивала границы объектной и предметной области, формировала понятийно-терминологический аппарат. Желаемого единства не было, поскольку по-разному ставились акценты на специфике фольклора, его или этнографической, или филологической составляющей, хотя успехи, причем несомненные, были свойственны и тому, и другому подходам.

Методологически значимым явлением в фольклористике 60-70-х гг. XX в. стала серия сборников «Фольклор как искусство слова», подготовленных кафедрой русского народного творчества филологического факультета МГУ. Их вдохновитель и редактор профессор Н. И. Кравцов настаивал на законности «отдельного изучения словесной стороны фольклора» [1, 5] в

целом и ее составляющих (например, психологического изображения, композиции, эпитета, символики, метафоры и т. д.), а также обосновывал необходимость изучать фольклорное произведение как художественное целое. Установочная статья Н. И. Кравцова подкреплялась работами коллег, базирующимися или на анализе конкретного произведения, или на рассмотрении конкретных способов и приемов создания художественной образности.

Изучение поэтики фольклора проходило, конечно, под безусловным влиянием работ теоретиков литературы, что не помешало фольклористам, в частности Н. И. Кравцову, на примере композиции внеобрядовых песен, подтвердить гипотезу относительно целостности и уникальности фольклорной поэтики и стилистики, в корне отличающихся от поэтики и стилистики литературных произведений. Особенно важным был тезис о разных уровнях поэтики фольклора – общефольклорном, жанровом, индивидуально-творческом (хоть с последним тезисом можно поспорить) [2, 3 – 4].

Аспекты жанрово-видовой поэтики активно изучались белорусскими фольклористами. Достаточно сослаться на работы Г. Барташевич, Н. Гилевича, К. Кабашникова, А. Лиса, А. Гурского, М. Янковского, О. Приемко, Т. Морозовой (Ивахненко), М. Кудряшовой и др. Значительным явлением в новом столетии стал выход пяти книг серии «Беларускі фальклор: жанры, віды, паэтыка». Несмотря на то, что некоторые авторы обходили вопросы поэтики стороной, ограничивались общей характеристикой художественных особенностей или частными замечаниями, в целом работа коллектива заслуживает всяческого одобрения. То же самое можно сказать о выпусках сборника «Міфалогія – фальклор – літаратура: праблемы паэтыкі», уже одним своим названием нацеливающим авторов на исследование мифологического как части поэтики художественного произведения.

С другой стороны, мы имеем работы Б. Путилова и его последователей, исходящих из концепции универсальности этнографических связей фольклора, когда этнографическое становится частью поэтического, а то, в свою очередь, может быть источником этнографических сведений, касающихся прошлого.

Как видим, фольклористика никогда не порывала ни с литературоведением, ни с мифологией, ни с этнографией. Правда, она очень медленно реагировала на новации в сфере родственных и смежных наук, прежде всего лингвистики. Пока фольклористы усиленно занимались вопросами теории, истории, поэтики, современного состояния фольклора, те также до поры до времени были озабочены решением внутренних проблем. Но широкое использование фольклорного материала как-то вдруг стало приводить к появлению интегративных направлений в филологии. В настоящее время на исторических факультетах многих вузов СНГ читается курс *этнофольклористики*, но составители учебных программ – историки, а не фольклористы. Заметим, что в отличие от них исторический факультет Белгосуниверситета в лице кандидата исторических наук, заведующего

кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств Т. А. Новгородского воспользовался как раз услугами и опытом коллег-фольклористов. Давнюю историю имеет исследование языка фольклора, и вот появляется лингвофольклористика. Три одноименных сборника, изданных в Курске, представляют разные направления лексикографических работ, очень интересных и для фольклориста [3]. Но кто сказал, что *лингвофольклористика* не предполагает сугубо фольклористического подхода к изучению языка фольклорных жанров как художественного? Вот только название уже «застолбили» другие. Замечательно заявила о себе этнолингвистическая школа под патронажем Н. И. Толстого, оказавшего огромное влияние на умонастроение представителей разных специальностей. У филологического факультета Белгосуниверситета был реальный шанс встать в один ряд с московскими этнолингвистами, обеспеченный научной, учебной и организационной работой Н. П. Антропова и его учеников. Учитывая связи Н. П. Антропова с фольклористами, можно было бы прогнозировать оформление этнолингвофольклористики на нашем факультете. Жаль, что этим шансом не воспользовались. Отметим и отрадный факт: заявка на социофольклористику, подкрепленная конкретными работами, в том числе А. В. Морозова (НАН РБ) и Т. А. Морозовой (БГУ) принадлежит белорусским фольклористам.

Хотелось бы обратить внимание коллег на еще один перспективный, по нашему мнению, интегративный вектор фольклористики, а именно *этнопсихофольклористический*. Идеи, как говорится, носятся в воздухе. Так, в 2010 году студентка 4 курса филологического факультета БГУ Маргарита Латышкевич попробовала обосновать необходимость *психофольклористики*, по собственной программе провела небольшой эксперимент, представила результаты на семинаре «Беларускі фальклор у кантэксце сусветнай культуры» и студенческой научной конференции. Разумеется, работа в области этнопсихофольклористики предполагает углубленное изучение такого предмета, как этнопсихология. В качестве основного курса или спецкурса он давно читается на гуманитарных факультетах вузов стран СНГ, обеспечен программами, учебниками, пособиями, но пока не присутствует в БГУ. Однако, насколько нам известно, спецкурс «Этнопсихология» будет предложен с 2011/12 учебного года для студентов отделения психологии и социальных наук (автор М. С. Фабрикант). Полагаем, что он был бы полезен также студентам-филологам.

Нельзя сказать, что фольклористы индифферентно относились к этнопсихологии. Вслед за античными авторами они признавали влияние природно-климатической, географической и социальной среды на формирование этнических особенностей. Не чуждались они понятия «народный дух», использовавшегося еще Монтеスキе. Как известно, познание психологической сущности народного духа считали одной из задач этнической психологии Лацарус и Штейнталь, выдвинувшие в середине XIX в. на повестку дня необходимость оформления данной науки, имея в виду

наличие основополагающих работ К. Риттера и В. Гумбольдта. При этом в выборе объекта изучения они, по словам Г. Шпета, неправомерно склонялись в сторону «овеществленного результата», т. е. языка, верований, нравов, обычаев, а не субъекта духовной деятельности. В поле зрения фольклористов находилась и работа В. Вундта «Проблемы психологии народов», который подчеркнул, что специального психологического исследования заслуживают три большие области, содержание которых превышает объем индивидуального сознания и в то же время обнимает три основные проблемы психологии народов, – язык, мифы и обычаи. В. Вундт отметил также раздробленность и незаметность индивидуальных влияний на порождение коллективного духа, которые могут претендовать на продолжительность в том случае, если соответствуют стремлениям, уже действующим в общем духе народа.

Российская психологическая школа XIX в. представлена трудами А. Потебни и Д. Овсянко-Куликовского, которых, правда, больше интересовала проблема психологии творчества, чем науковедческая. Но уже в XX в. акцент смещается в сторону этнопсихологии, о чем свидетельствуют работа философа С. Л. Франка «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» (1917), Г. Г. Шпета «Введение в этническую психологию» (1927) и др. Для С. Франка такие понятия, как народный дух, народная душа были реальностью коллективного, а не просто метафорами. Г. Шпет критически относился к эклектическим, по его словам, построениям В. Вундта, в частности против положений его программной статьи «О целях и задачах этнической психологии» (1886). Основные возражения Г. Шпета сводились к следующему: 1) этническая психология не является продолжением индивидуальной психологии; 2) содержанием этнической психологии нельзя делать, как предлагает В. Вундт, язык, мифы, нравы, поскольку они результат психологического процесса, но не сам процесс. Раскрытие их коллективной природы и значений – задача философской этнологической науки. Этническая же психология должна рассматривать, «как *это* переживается человеком», «что он *любит*, чего *боится*, чему поклоняется и т. п.» [4, 142]. Она, по мнению Г. Шпета, должна иметь «*предметом второй порядок «значений» в анализе «выражения» или конкретный духовный уклад человека*» [4, 142]. Исключается параллелизм методов этнологии и этнопсихологии. Следовательно, не может быть параллелизма методов фольклористики и этнопсихологии.

На наш взгляд, этнопсихологический подход к фольклору не имеет ограничений по объекту. Предметом рассмотрения может быть как отношение белорусов или другого этноса к фольклору в целом, так и психологическая реакция на составляющие его области, жанры, отдельные произведения, новые явления и т. д., включающая определение того, что респондент воспринимает или пропускает, помнит или забывает, любит или презирает, поддерживает или с чем спокойно расстается. Отсюда с очевидностью следует, что именно стереотипы психологической реакции сближают или отличают один народ от другого. Это может быть

методологической базой при сравнительном изучении этнической психологии разных народов. Недаром Л. Гумилев отверг такие разграничительные признаки этносов, как язык, культура, религия, поставив во главу угла стереотипы этнического поведения в сходных ситуациях.

Междисциплинарный статус этнопсихологии и этнопсихофольклористики очевиден. Полагаем, что отношение этноса к своему духовному наследию и современному состоянию фольклора допустимо рассматривать как одно из составляющих этнической психологии. Это, так сказать, внешний аспект взаимодействия суперсубъекта и объекта, т. е. коллективного творчества. Благодаря специфике объекта фольклористический подход делает возможным и внутренний аспект. Поскольку фольклор относится к временному искусству, а его произведения хранятся в памяти носителей фольклора, являя себя в звучащем слове, то в них самих зафиксировано коллективное психопереживание, относящееся к сюжету, образам, персонажам. Следовательно, методологически верно выделение внутреннего аспекта этнопсихологических разысканий. При этом следует четко разграничивать чисто фольклористический подход к фольклору как к искусству слова, выдвигающий проблему психологического изображения в фольклоре, и этнопсихологический, нацеливающий на поиск зафиксированного в слове отношения народа к тому или иному явлению. *Как фиксируется – область фольклористики, что фиксируется – этнопсихологии.*

Сама этническая психология как наука вряд ли может предложить инструмент для понимания исторического развития фольклора, но за фольклористом остается право учесть этнопсихологический фактор при объяснении духовных явлений. Вся беда в использовании фольклористами стереотипного ответа на вопросы, касающиеся национальной специфики фольклора: это явление таково, потому что такова психология народа, хотя нужно было бы понимать и то, что психология народа такова, потому что есть некое явление и оно переживается народом вполне определенным образом. Скажем, в XVII – XIX вв. белорусский народ не переживал историю как ту, активным субъектом которой он является. Отсюда и индифферентное отношение к жанру исторических песен. В русском фольклоре их огромное количество, что соответствует развитости жанра украинских дум. Белорусы же акцентировали внимание на локальном материале, который оформляется в виде исторических легенд, сочетающих бытовое, историческое, мифологическое.

В сфере бытования фольклора этнопсихология выдвигает вопрос, *как переживается народом и интеллигенцией данное социально-этническое явление в то или иное время.* История свидетельствует, что такой вопрос правомерен. Так, зарождение белорусской национальной идеи было связано также и с особо внимательным отношением к духовному наследию. Это выразилось в интенсивной собирательской работе, появлением замечательной плеяды белорусских, польских, русских фольклористов, этнографов, писателей, сделавших белорусский фольклор достоянием науки. И в дальнейшем публикации белорусского фольклора под маркой фольклора

русского населения Северо-Западного края России не могли ввести в заблуждение всю общественную мысль. Даже русский ученый П. Бессонов издал сборник под названием «Белорусские песни». В наше время идея возрождения нации опять-таки связывается с заботой о сохранении фольклора и условий его естественного перенимания последующими поколениями, ибо фольклор в определенной мере является основой этнической психологии, а отношение к нему – показателем здоровья нации. Тревожные тенденции четко обозначились в 60-е гг. прошлого столетия. Наши наблюдения свидетельствовали, что в народе утрачивалось понимание ценности своего эстетического творчества. Исполнители искренне недоумевали, зачем студенты-практиканты специально едут в деревню записывать их простые песни, когда по радио передают столько замечательных новых произведений. Деформации отношения к духовному наследию как не заслуживающему внимания способствовало и то, что для выступления на смотрах и конкурсах со своим репертуаром культработники по своему разумению (так, как их учили) «исправляли» народную манеру пения.

Вхождение белорусского народа в разные государственные объединения не уничтожило главного – духовного уклада белоруса, его этнической самоидентификации. К счастью, тогда колебания в отношении к собственному фольклору не закрепились в виде комплекса эстетической неполноценности. Сейчас было бы опрометчиво говорить об ренессансе белорусского, но не сбросить со счета факт, что уличные выступления певцов с белорусским репертуаром стабильно собирали и собирают массу слушателей, а возле других если и задерживаются, то ненадолго.

В советское время народный репертуар оказался невосприимчивым к псевдофольклорным произведениям, внедряемым в коллективы художественной самодеятельности, пропагандируемым всеми доступными способами. Зато в живом бытовании циркулировали сатирические произведения, представляющие собой переделки псевдонародных или совершенно невинных массовых песен. Как тут не согласиться с выводом Г. Шпета, что «дух» отображает действительность, обнаруживая в преображенном и творчески оформленном виде «некоторую структуру переживаний коллективной организации» [4, 93]. Как предмет изучения этот субъективный характер узнается и в его фольклорной объективации. Задача этнопсихофольклористического исследования состоит в том, чтобы грамотно выделить и проанализировать «совокупность реакций народа на окружающие его вещи, на обстоятельства, в которых он сам участвует, на объективно данные ему отношения и идеальные образования» [4, 94].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кравцов, Н.* Изучение фольклорного произведения как художественного целого / Н. Кравцов // *Фольклор как искусство слова* / отв. ред. проф. Н. И. Кравцов. М., 1966.

2. *Кравцов, Н. И.* Поэтика русских народных лирических песен / Н. И. Кравцов. Ч. 1. Композиция. – М., 1974.
3. Лингвофольклористика / отв. ред. А. Т. Хроленко. Вып. 1. – Курск, 1999. Вып. 2 – 2000. Вып. 3 – 2000.
4. *Шпет, Г. Г.* Введение в этническую психологию / Г. Г. Шпет. – Санкт-Петербург, 1996.